

читаем & переводим

Vladimír Franta

Krásná Ágnes aneb o tom, že láska je, když...

Красавица Агнес и далее о том, что любовь не картошка

Каждý rok během srpnového hvězdpada vyslovuji přání. Přěji si, aby bylo výborné počasí, nebe jako sklo, jak jinak by bylo možné oslovovat rozkacené hvězdy, pokud by nebylo nic vidět kvůli mrakům. . . Neznáte náhodou legendu, která říká, že jakmile někdo přestane věřit na víly, jedna z nich, v odpověď na takovéto z houbné „prozření“, nevyhnutelně spadne mrtva k zemi? Slyšeli? Tak vidíte! Nicméně v s rpnu, považte, přišl hned celý hvězdpad! Je jasné, že jednoho až zamrazí při pomýšlení, že tento měsíc představuje jakousi epidemii z babělych ničitelů křehkých a krásných tvorů. Avšak zemi nepokřývají mrtvá těla průzračných víl. Jaké je tomu vysvětlení? Naštěstí jsou víly vždy potřebné, ať se na věc díváme z kterékoli strany. Ožívají, jestliže si někdo jiný stačí přát přání, což tyto světlé anděly vrací na svá místa. Jsou-li navíc živы z lidské fantazie, pak není hříchem včas vyslovit své sny a jako děti věřit na zázraky. Co se týká mě, konstantně si přěji zdraví a lásku. Se zdravím zatím vše v pořádku. Na konto druhé záležitosti se jaksi nedaří, přestože mám ve zvyku postávat v kouzelných deštích měsíce srpna. Co když ale láska přece existuje, jen člověk si jí nevšimá?

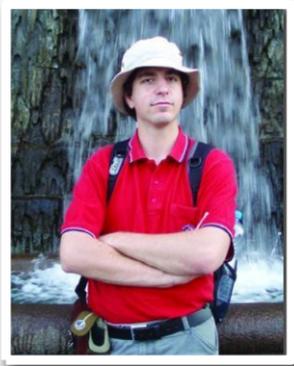
Ona dívka pracovala v kavárně. Jmenovala se Helena. Kdykoli jsem přišel, hned jsem zdravil, zlehka zpomaluje tempo řeči tak, abych vyslovoval božské Helena s důrazem, jak se sluší při správné deklamaci. Odkud jsem zjistil její jméno? Jednoduše jsem si jej přečetl na vizitce, jež zkrášlovala její řadra. Pokaždě jsem se naprosto hloupě snažil upoutat na sebe pozomost, když jsem se tázal, je-li možno si v kavárně poručit *krémovou bebinku*, nebo chcete-li jinak - *bebinku* s krémem. Po letech mě ani nepřekvapuje, že mě dívka okamžitě pojala za idiota, ačkoli se ke mně zachovala jako dokonalý profesionál. Vždy mi zcela klidným hlasem přečetla našprtany seznam zákusků a nápojů poskytovaných kavárnou. Tento seznam korunovala omluvou, že *krémové bebinky* nejsou a těžko se vůbec kdy objeví, poněvadž se po nich lidé neshání. Vzpomínám si, jak jsem zapochyboval, kdo mám být tedy, prosím pěkně, já, když ne také člověk? Jenže dívka stále týmž nevzrušeným hlasem vedla svou, zjišťujic, zda si nakonec něco vyberu, protože jsem nebyl jediným zákazníkem na celém božím světě, který se rozhodl osladit si život zde v kavárně.

Nestačil jsem vám říci, že Helena byla opravdu krásná. Oči kočičí, lehce ironický úsměv. . . Představte si, během času začala být ve vztahu ke mně daleko vstřícnější, jelikož po několika měsících se mi přece jenom podařilo vymámit z ní telefonní číslo, takže naše příjemné vztahy mohly vstoupit do nové etapy. Překrásná Helena. Bože, jak jsem na ni myslel! Tím více, čím méně mi ona odpovídala na telefonáty, básně nebo obrázky. Povím vám, poté co mě vychovala zátiším svého charakteru, naučil jsem se objednávat si naprosto rozumné dortíky a banální nápoje. Jenže Helena zůstávala chladná, uzavřená. Celá tahle historie vůbec zahrmono v sobě cosi nevýčereného. Mé úsilí bylo veliké. Výsledky žádné. Všimlri jste si, že ti nejatraktivnější z lidí bývají málomluvnými osobnostmi s tajemstvím a lehkou ironií na rtech? Tuhle jejich zbraň není jak lehce překonat a lze jen politovat všechny muže, kteří se mohou přetrhnout, aby se zalíbili právě takovým ženám. Někteří z nich, jako třeba já v jistou chvíli, si neuvědomují, že neprониkнутelná image - je jen fasáda. Otázka zůstává: co je uvnitř? Co? Mám-li mluvit za sebe, jednoho krásného dne jsem vyčšl tajemství.

Dodnes si vybavuji názvy zákusků: *datlové pusinky*, *mlsánek*, *muffiny*. . .

Ochutnal jsem všechny, ale pověstná třешinka na dortu nebyla očividně určena mně. Když už jsem nic nečekal, Helena mi sama zavolala a nabídla vyrazit si do kina. Trochu jsem z neklidněl, myslel jsem, že vyberu film, biograf, jenže Helena trvala na tom, že vše zařídí sama. Byla to ona, kdo určil čas a místo schůzky. A co jsem zatím podnikal já? Hádáte správně. Naprášil jsem na sebe víni, načechral si pírka, narovnal pěšinku a usmál se v duchu na Mironova, když jsem si vybavil písničku pojednávající o nešpěšném rande: Mirovnov vyhlížel dívku u lékárny, zatímco ona čekala před kinem, kam mám namířeno i já. Krátce a dobře: vyšel jsem ven. Ubezpečil jsem se, že má trasa vede správným směrem a v rytmu večerního foxtrotu vyrazil na dostaveníčko.

Hledím na hodinky. Už je osm. Nejprve jsem se zaradoval. Jsem tu první. Za tři čtvrtě hodiny jsem si už dělal starosti. Avšak hle, zde je! Krásná Helena osobně. Ale co to? Zdá se, že má nafialovělé rty a lehkou mlhu v očích. Vůbec je jakási nezvykle pozitivní. Nicméně kino jsme tímto pádem zazdili, takže jsme museli

Каждый год во время августовского звездопада загадываю желания. Хочу, чтобы была отличная погода с небом как стеклышко, как иначе обращаться к разогнавшимся звездам, если ничего не видеть из-за облаков. . . Вы знаете легенду, по которой как только кто-нибудь перестает верить в фей, одна из них, в ответ на такое пагубное „prozření“, непременно упадет мертвой на землю. Да? Вот! А тут, видите ли, возникает сразу целый звездопад! Понятно, страшно даже подумать, что август - месяц эпидемии малодушных истребителей хрупких и прекрасных существ. И все-таки, земля не усыпана полупрозрачными телами фей. Выходит что? Они, к счастью, востребованы, как не крути, и оживают, если кто-то другой успеает загадать желание и вернуть на место этих ангелов. В конце концов, живут ли они за счет пожеланий, тогда не грех вовремя нам озвучить свои сны и по-детски уповать на чудеса. Что касается меня, неизменно прошу здоровья и любви. На здоровье пока не жалуюсь. Касательно второго, что-то не клеится, хотя имею привычку регулярно стоять под волшебными дождями в августе месяце. А может любовь есть, но человек не замечает?

Девушка тогда работала в кафе. Звали ее Гелена. Я каждый раз заходил, сразу здоровался, при этом слегка замедляя темп речи, произнося божественное имя Гелена с наложенным на него акцентом, как полагается при декламировании. Откуда узнал про имя? А запросто. Прочитал на бирке, украшавшей ее грудь. И каждый раз пытался привлечь к себе внимание, совсем по-дурацки спрашивая, можно ли мне здесь заказать *кремовую bebinku*, или, хотите ли, *bebinku* с кремом. Спустя годы не удивляюсь, что девушка меня сразу приняла за идиота, но поступала со мной профессионально. Каждый раз мне совершенно спокойным голосом читала заученный перечень имеющихся в кафе пирожных и напитков, заканчиваемый приносимым ею извинением, что *кремовых бебинок* нет и вряд ли когда-либо будут, потому что люди их не спрашивают. Тогда я у нее решил уточнить, кто же я в таком случае, если не человек? Однако девушка все тем же спокойным голосом хотела знать, буду ли я, в конечном счете, что-нибудь выбирать, а то не я один на свете пожелал сегодня подсластить свою жизнь у них в кафе.

Не успел вам сказать, что Гелена была действительно красивой. Глаза кошачьи, улыбка с легкой иронией. И представьте себе, что с течением времени, она все же настроилась по отношению ко мне более положительно, потому как после пары месяцев я все-таки добился от нее телефонного номера, и наши с ней лобезные отношения смогли выйти на новый этап. Прекрасная Гелена. Боже, как я о ней мечтал! Причем тем больше, чем реже она мне отвечала на мои звонки, или стихи, или картинки. Скажу вам, после того, как она меня воспитала затишьем своего характера, я научился заказывать совсем разумные пирожные и обычные напитки. Но Гелена как-то оставалась холодной, замкнутой, и вся эта история вообще имела что-то недосказанное в себе. Мои прилежные старания были безрезультатны. Обратили ли вы внимание, что самые привлекательные люди - таинственные личности, экономяные в словах, с легкой иронией на губах. Такое оружие тяжело преодолевается, и можем пожалеть всех мужчин, которые из кожи вон лезут, чтобы понравиться именно таким женщинам. Некоторые из них, как и я в то время, не догадываются, что непроницаемый имидж - лишь фасад. Вопрос другой: что внутри? Внутри что? Говоря за себя, в один прекрасный день мне удалость раскрыть секрет.

Помню до сих пор названия пирожных: *трюфель*, *лакомка*, *минутка*. . . Попробовал все, но черешенка на торте явно не была предназначена для меня. И когда я уже совсем ничего не ждал, Гелена мне сама позвонила с предложением пойти в кино. Я засуетился, хотел отыскать фильм, кинотеатр, но Гелена настаивала, что обо всем позаботится сама. Сама назначила встречу, место и время. А я? Ну конечно. Я надушился, расправил перышки, поправил пробор и улыбнулся Миронову, вспомнив песню о том, как он ждал девушку у аптеки, хотя она пришла в кино, куда, собственно и было нужно. Короче, к походу готов, я вышел из дома. Удостоверившись в правильном курсе, в ритме веселого вечернего фокстрота, я отправился на свидание.

změnit plány. Znovu jsem se zcela oddal vůli Heleny. Oetli jsme se ve vinném baru. Celý večer jsem mluvil já. Helena se dívala do velké sklenice s vinem. Kdykoli jsem umlkl, jen se usmívala a upravovala si svůj šál v barvě tmavé višně. Ukázalo se, že je umělkyně - malířka. Na ubrousek nakreslila můj portrét. Velmi zdařile. Pocítil jsem úlevu. Večer pokračoval. Víno bylo těžké, svět se zavlnil. V taneční náladě jsme dokroužili před dům, kde bydlela Helena. Vzala mě za rukáv. Tímto způsobem mě pozvala na návštěvu, ačkoli už byly dvě ráno - čili pokročilá noc. Jsem spořádaný člověk, proto jsem nemohl odmítnout. Stoupali jsme po schodech nahoru. Druhé patro. Třetí. . . Zde jsou dveře. Klíč se otáčí v zámku. Je otevřeno. Helena rozsvítila. Snažím se vyzout se z bot, když tu ji vidím. Uprostřed předsíně - Ágnes, ušlechtilé stvoření vzácného druhu, ta nejkrásnější kočka na planetě.

Byt umělně představoval bitevní pole: barvy, štětce, kaňky, látky, plátna, prostě hotová vesmírná aréna. . . nahá žárovka bez abażúru, šaty, hromádka punčoch, rozsypané korále, amatérský teleskop na třínohém stativu, suché květiny, iluminované okno ve stylu Tiffany, zdi a strop ozdobené latinskými citáty. Uprostřed všeho pak ohromný gauč a přehozený přes něj sešívány pestrobarevný pléd. Helena se zeptala, co si dám k pití. Požádal jsem o kávu. Helena se vzdálila, v tu chvíli se monstrózní gauč rozhodl, že mě dočista spolkne. Na protější straně, v opozici vůči tomu celému kombinátu na zpracování meziplanetámich surovin, hrdě seděla Ágnes, vyšponovaná jako pravý diplomat. Oči měla doširoka otevřené a jen špička jejího exkluzivního ocasu, jen ta se lehce pohybovala sem a tam. Vytahovala krk jako Kleopatra a vůbec se chovala po vzoru Audrey Hepburn z filmu Prázdniny v Rímě. Zatím se z kuchyně vrátila Helena - vlasy se jí nepoddajíne kroutily, každý na jinou stranu, - na sobě staré tričko, jako by z rovna neměla v bytě žádnou návštěvu. Koukám, podává mi hrnek kávy - jen tak. Žádný cukr. Bez talířku. Hrnek sám byl zalit do tři čtvrtin. Na stěnách a na povrchu „tmavé kapaliny“ bylo lze spatřit obrazce poskládané z tmavých kávových teček. Poděkoval jsem Heleně. Sedla si vedle mě a já nevěděl, opravdu ne, jak udržet horký hrnek, kam jej postavit. Tou dobou Ágnes pozorovala situaci, jako by měla věci na povel, jako by paní domu byla ona, naprosto nespokojená se svými podřízenými, odsuzujíc způsob přijetí, jehož se mi právě dostávalo. Cítím, jak na mě soucitně shlíží. Vykračuje si to po místnosti s grácií karavely a říká mi kočičí řečí: „To jste celí vy, lidé s fialovými rty. Bez vkusu, bez způsobů, sedíte shrbení, mňoukat doopravdy neumíte, jak je mi vás líto, že jste tak jednoduší, nezajímaví, ani se neumíte učesat, ke všemu nemáte žádný ocas. . . Dívejte se na mě, učte se na mém příkladu. Co jen to máte za vychování, božíčku. . .“

Za nic si nemohu vzpomenout, zda jsem se vůbec líbali. Nebo se líbal někdo jiný na obrazovce televize s nefungujícím zvukem? Vybavuji si jen, že mi ustlali lože na podlaže, zatímco Helena usnula ve své prostomé posteli se skřipajícími pružinami. Její fialové rty zašeptaly přání dobré noci. Světlo zhaslo. Skrz vitrážové okno prosvítala Mléčná dráha. Cítil jsem se opuštěný, zanechaný sobě samému na pospas uprostřed vybuchlého vesmíru a se z mičky lógru mezi zuby. Podlaha studila. Ale pak se po mých zádech prošla Ágnes. Lizla mě na tvář a také mi dala dobrou noc. Uvelebila se vedle mě hlavy. Seděla v póze Sfingy. Asi se rozhodla držet všechny zlé duchy od nás co nejdále. Na rozdíl od Heleny si se mnou rozdělila i večeři. Ve světle hvězd měl husí krk namodralou barvu. Mohli jste na něm rozeznat jeho chrupavčitou výztuž. Učarovala mi starostlivá pohostinnost Ágnes. Jako by ona byla člověkem, nikoli její panička. Dlouho jsem nemohl usnout. Když jsem se otočil na záda, málem jsem se připravil o rozum. Z pova příkrývky, z výšky ptačího letu, na mě z hloubi gogolevské tmy ukazoval ohromný palec pravé nohy Heleny, vykřikuje varovně: „Tohle je tvůj konec, Romeo!“ A znovu mě zachránila Ágnes. Palec utekl zpět pod příkrývku. Probudil jsem se ještě za šera. Opatrně se oblékl. Helena cosi zabřebentila, něco ve smyslu, zda se obsloužím sám a udělám si snídani, hned nato pokračovala v kvalitním spánku. Přeskákal jsem ke dveřím. Nazul si boty. Než jsem za sebou zavřel dveře, naposledy jsem se podíval na Ágnes. Na cestu mě v provázela královnička mých snů, malá fěrová lady, opravdová víla, mluvící se mnou kočičím jazykem. Bylo pět hodin. Jiitřní mlha se začínala rozpouštět. Přijela první tramvaj. Sedl jsem si a podíval do otevřeného okénka. Vylepovač plakátů z rovna umístoval reklamu na stěnu cestovní kanceláře na protilehlé straně ulice. Stíny se zkrátily. Objevilo se slunce, vymalovav oblohu myriádami barev. Nebe rozkvetlo pestrými světy odstínů. Podobaly se těm, které měla v očích Ágnes.

Мечтатель и любитель жизни Владимир Франта: is.muni.cz/www/16741/VF.html

Смотрю на часы. Уже восемь. Сначала обрадовался. Явился первым. Но через три четверти часа уже прилично волновался. И вот она! Та самая, красавица Гелена. Вижу, губы у нее фиолетовые и легкий туман в глазах. Вся какая-то позитивная, хотя, кино мы давно прозевали, так что пришлось поменять планы. Я опять поддался Гелене и мы оказались в винобаре. Весь вечер говорил я. Гелена смотрела в большой бокал вина. Когда я умолкал, она лишь улыбалась и поправляла свою темно-вишневую шаль. Оказывается, она художник. На салфетке нарисовала мой портрет. Очень удачно. Я почувствовал облегчение. Вечер продолжался. Вино было крепкое, мир казался плавным. И в таком же настроении мы оказались перед домом Гелены. Взяв меня за руки, она меня таким образом пригласила в гости, хотя времени было два часа ночи. Ну, я-то порядочный человек. Как мог отказаться? Поднялись по лестнице, вот второй этаж, вот третий, тут дверь. Поворачивается ключ. Открыто. Гелена зажигает свет. Пытаюсь снять ботинок и что вижу. Она. Посреди прихожей - Агнес, самая красивая и редчайшей породы кошка на планете. А дальше все как списано у Гоголя. Квартира художницы - поле битвы: краски, кисточки, пятна, тряпки, холсты, ну, разорвавшаяся вселенная... лампочка Ильича, платья, гора чулок, распыленные бусы, любительский телескоп на трилоде, сухие растения, окно, расписанное в стиле Тиффани, латинские цитаты на стенах и потолке и - посреди всего этого - огромный диван накрытый лоскутным пледом. Гелена меня спросила, что буду пить. Я попросил кофе. Гелена удалилась, а меня проглотил глубочайший диван. Напротив всего этого комбината по переработке межпланетного сырья гордо сидела Агнес, подтянутая как дипломат. Глаза распахнуты, шевелился лишь кончик шикарного хвоста. Она вытятивала шею как Клеопатра и вела себя как Одри Хепберн в Римских каникулах. Тем временем вернулась из кухни Гелена. Волосы во все стороны, старая майка, будто гостей здесь нет. Смотрю, подает мне стакан кофе - без сахара, без блюдца. Стакан наполнен до трех четвертей. На стенках и поверхности темной жидкости узоры из кофейных точек. Я поблагодарил Гелену. Она села возле меня. Я сижу и не знаю, как удержат горячий стакан, куда его поставить. Зато Агнес -смотрит, будто всем руководит, она хозяйка, недовольна подчиненными, осуждает прием, который мне оказан. Смотрит на меня с состраданием. Ходит по помещению как корабль и говорит на кошачьем языке: «Эх вы, люди с фиолетовыми губами. Без вкуса, без манер, сидите, сутулитесь, мяукать по-настоящему не умеете, как жалко мне, что вы так просты, неинтересны, причесаться не способны, да и без хвоста... Смотрите сюда, следуйте моему примеру, что за воспитание, боже мой...» Я даже не помню, целовались ли мы? Или это кто-то другой целовался на экране телевизора с неработающим звуком? Вспоминаю лишь, что мне постелили ложе на полу, а Гелена заснула в своей просторной кровати со скрипучими пружинами. Ее фиолетовые губы прошептали мне лишь спокойной ночи. Свет потух. Сквозь винтажное окно виднелся Млечный путь. Я ощутил себя таким одиноким, заброшенным на полу посреди взорванной Вселенной и с кофейными зернышками меж зубов. Было как-то холодно. Но потом по моей спине прошла Агнес. Лизнула меня в щеку и тоже пожелала спокойной ночи. Уселась возле моей головы как Сфинкс и запугала всех злых духов ночи. В отличие от Гелены разделила со мною свой ужин. В звездном сиянии гусиная шейка имела синий цвет, и можно было различить на ней кольца хрящей. Меня поразила теплота Агнес, будто она человек, в отличие от хозяйки.

Я долго не мог заснуть, лег на спину и с испугу чуть не сошел с ума. Из под одеяла, с высоты птичьего полета, в синеве гоголевской тьмы в меня упирался большой палец правой ноги Гелены, выкрикивая предупреждение: «Конец тебе, Ромео!» И опять меня спасла Агнес. Палец спрятался обратно под одеяло.

Я очнулся на свет, ни заря. Аккуратно оделся. Гелена что-то забормотала, смогу ли я себе сделать сам завтрак и продолжала спать. Я добрался до передней. Надел ботинок. Прежде чем закрыть за собой дверь, я в последний раз взглянул на Агнес. Меня до двери провожала королева моих грез, маленькая прекрасная леди, настоящая фея, говорящая со мной на родном языке. Было пять часов. Еще стоял туман. Подошел первый трамвай. Я занял место и посмотрел в открытое окошко. Расклеивщик плакатов как раз помещал рекламу на стену турбюро на противоположной стороне улицы. Тени стали сокращаться. Вскоре появилось солнце, окрасив небо. А на нем целые миры красок и светотени, точно такие же, как в глазах у Агнес.